

ПИОНЕР

ДЕКАБРЬ 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА». 1967 г.

ЛЕСНИК БУЛЫГА

Юрий КОВАЛЬ

Рисунок М. САЛТЫКОВА

Стоял на краю леса домишко-то Булыгин. Старенький был, совсем по-нурый. Сосновая щепка на крыше покорибилась, а между бревен изо всех щелей торчал наружу белесый мох. В таком домике лешему жить да радоваться, а жил в нем лесник Булыга.

Два дня назад началась весна, и эти-то два дня я добирался до Булыгина жилья, вначале на поезде, а потом и пешком по раскисшей весенней дороге.

— Вон оно что,— сказал Булыга, заведя меня.— А я-то чувствую: из лесу русским духом пахнет, а ко мне гость из Москвы.

— Или не рад? — спросил я.

— И кошка сегодня целый день умывалась, и ножик на пол упал — так и есть — гость пожаловал.

Пока я скидывал на крыльце рюкзак да вытирал шапкой вспотевший лоб, Булыга сходил в избу и вытащил на двор самовар. Скоро самовар запыхтел на проталинке, засиял старой медью.

Не так уж и далеко отъехал я от Москвы, а до чего хорошо было здесь сидеть на крыльце и на самовар поглядывать, слушать одинокую кукушку и дышать сочным весенним воздухом!

— Глухарь токует всюю,— сказал Булыга.

— Старый петух? — удивился я.— Неужто его не хлопнули?

— Жив,— подтвердил Булыга.

Этого петуха я видел не раз на боровом болоте Блюдечке, только на выстрел глухарь меня не подпускал: старый был, умный.

— А где он токует-то? — спросил я.

— На Блюдечке, где ж еще,— сказал Булыга.— Только завтра я сам пойду.

— Хлопнуть хочешь?

— А что? Или мы стрелять разучились?

Быстро подступала весенняя ночь, полная самых внезапных и запутанных звуков. Трещали в близком лесу певчие дрозды, протянул над елками вальдшнеп — до нас донеслось его цвирканье. Самовар чуть светился в сумерках, а в нижние его окошечки ссыпались раскаленные угольки.

Совсем стемнело, и самовар поспел. Булыга подхватил его, поперхнулся дымом и, накрыв жерло самовара крышкой с помпончиком, потащил его в дом.

Мы пили чай, а после я полез на печку и от усталости скоро уснул.

По-прежнему что-то щелкало в ходиках и темно было в избе, но я проснулся. Была самая середина ночи. Под подушкой моей, казалось, чирикал сверчок, а с лавки доносился Булыгин храп. Он храпел, будто выговаривал неслыханные слова:

— Гурраухи — Гурраухи — Гуррррр...

— Пора вроде... — сказал я.

— Э-э-рик, — вздохнул Булыга, но так сильно напирал на букву «Э», что ясно было: не звал он никакого Эрика, а просто зевнул.

Мы выпили еще чуть теплого с вечера чая, надели сапоги, взяли ружья и вышли.

Темно-темно еще было, совсем темно и холодно. Ни месяца, ни звездочек в небе, да и неба-то не видно — холод и туман. Из лесу прямо какой-то струей бил резкий запах тающего снега и прелых листьев. И тихо было, совсем тихо.

— Лови подсадную и валяй в салаш, — сказал Булыга. — А я пойду покамест глухарिशку послушаю.

— Взял бы меня, а? — попросил я Булыгу.

— Нету, — сказал он. — Нечего мне в лесу шуметь да кряхтеть. В салаш иди.

— В салаш, в салаш... — заворчал я, но Булыга уже и пропал в темноте. Треснула ветка, прошуршал снег — ушел Булыга к маленькому болоту Блюдечку, где глухариный ток.

Подсадные утки жили у Булыги в сарае, в соломенном закутке. И как только я сунулся туда, заорали, оглашенные, стали носиться под ногами, хлопать крыльями.

— Кря-я-я! Кря-я-я-я! Кря-ка-ка-ка-ка-ка-ка!

Подсадные такие же утки, как дикие, только крылья у них подрезаны. Привя-

жет охотник подсадную за ногу к какой-нибудь болотной кочке — орет она, зовет диких родственников...

Я поймал подсадную, засунул ее в кошелку-плетенку и побежал краем леса к болоту, к шалашу. Утка тяжело переваливалась в садке, крикала под самым локтем, а под ногами на все лады пели-трещали лужицы, схваченные утренним льдом. По клюквенной тропке, вдоль неглубокой канавы, я бежал к Кузьевскому болоту.

В темноте еще я пришел на место, высидел подсадную на воду и спрятался в шалаше под старой елкой, вышедшей из лесу к болоту.

Стало светать чуть-чуть, еле-еле. Низом потянул ветерок, как раз забрался под полушубок, в раструбы сапог, и скоро я так замерз, будто всю ночь проспал в весеннем лесу, без костра. Ружейный ствол сделался прямо ледяным...

Откуда-то близко с березовой вырубки потянулся в тишине таинственный шипящий звук, и резкий и плавный одновременно:

— Чу-фффффф!

— Чу-фффффф!

Это заиграл первый тетерев. Даже не заиграл, а только попробовал, только показал: здесь, мол, я. Но уже и подхватил другой — понесся с березовой вырубки весенний тетеревиный клич:

— Чу-фффыышшш...

И будто подхлестнул этот шип мою подсадную. До этого она все молчала и охорашивалась, плескалась в воде, а тут развернулась к лесу, подняла голову и так закричала, что у меня сердце оборвалось:

— Кра-кра-кра-кра-кра-кра-кра-кра!..

Как от удара, рассыпалась ночная тишина — забурлили, забормотали тетерева-кочасичи, так забурлили, будто в их черных горлах заволновался бешеный ручей. Заблеяли воздушные барашки-бекасы, ныряя с одной волны ветра на другую, а на дальнем, недоступном болоте, словно в серебряные и медные трубы, переливчато заиграли-закурлыкали журавли. И с журавлиной песней выкатилось из туманной пелены солнце и еще прибавило звону. Огненная стрела просвистела в небе, рассекала его серое дно, и зашевелились-зашуршали болотные кочки, лопнула пленка льда в луже, крикнула выпь, а в бочаге, под самым шалашом, гулко бухнула щука.

— Бум! — грохнуло невдалеке, там, на Блюдечке. И второй раз:— Буммм! — И пошел этот звук вдоль всего леса, запутался в крайних ветвях, поднял в воздух стаю дроздов с макушки елки, и все другие звуки вдруг пропали, словно поперхнулись, но уж через секунду снова бушевали всюду.

И тут я услышал над головой:

— Трр-трр-трр...

— Что такое? Что?..

Но не успел я и сообразить, как в воду плюхнулся селезень! И замолчала сразу крякуха, а я медленно-медленно поднял ружье, которое стало жарким, и не видел уже ничего — только селезень покачивается на волне...

Ахнул в ушах и отозвался вокруг мой выстрел, резко долбануло в щеку прикладом, дробь подняла фонтан вокруг селезня.

Я выскочил из шалаша, и мне открылось все залитое весной небо, и болото, и селезень, распластанный на воде.

Обалдевшая от выстрела крякуха снова заорала-запричитала, а в бочаге, у шалаша, снова бухнула хвостом щука...

Я достал битого селезня, кинул его в шалаш, и в глазах все стояло, как он качается, качается на волне...

Когда откурлыкали журавли и в песне тетеревов поутихла ярость, тогда налетел второй селезень. Я услышал жужжание и свист его крыльев над шалашом. Он сделал круг над болотом и только на втором кругу отозвался крякухе. Так странно было слышать утиное кряканье сверху, с неба, что я не выдержал и встал в рост, развалив шалаш, и ударил влет.

Нет!

Не достал!

Селезень резко взмыл кверху и пошел выше, выше — эх! — в сторону Блюдечка, на Булыгу! Эх, промазал! Эх! Дурак, дурак!

Все ждал я выстрела оттуда, с Блюдечка, — не донеслось: видно, прошел мимо.

Я стал выправлять шалаш, а в двух шагах от меня снова ударила в бочаге щука — она была у самой поверхности, терлась боками о траву, выдавливая икру. Далеко же она забралась — больше километра отсюда до реки. По болотной-то канаве, против талой воды и зашла она к лесу бросить икру...

Не стал я дальше думать — выстрелил в воду. Жестко плеснуло в лицо, сила выст-

рела бросила щуку на берег, и она заби-лась во мху...

А подсадная все орала и орала, и глухо бубнила тетерева на березовой вырубке...

К обеду я вернулся в избушку, Булыга был уже там.

— Ну, постреляли, — зверей поугубили, а домой пустые пришли? — сказал он.

Я показал Булыге и селезня и щуку.

— Икрянка, — сказал он, взвесив щуку на руке, и надавил ей пальцем на брюхе — поглядеть на розовую икру. — До самого лесу дошла детей выводить, да попалась ротозею под выстрел.

— Ладно тебе, — сказал я. — И без нее рыбы в реке не убудет.

— Не убудет, не убудет, — подтвердил Булыга. — Еще и прибавится.

И ничего, мне казалось, особенного нет в том, что я хлопнул эту щуку, а все ж стало неловко. Я наколол щепок, стал раздувать самовар.

А солнце было уже высоко, от его света и от усталости слипались глаза. Только прикроешь их — видишь ослепительно рябую болотную воду, и на ней качается селезень...

— Как у тебя-то? — спросил я.

— А никак, — ответил Булыга. — Пустой.

— А что ж глухарь?

— А ничего, — сказал Булыга. — Ну, садимся самовар пить.

Мы снова пили чай, позванивали ложками, отдувались утомленно.

— Глухарей в этих местах всех перебили, — говорил Булыга. — Один остался.

Так устали глаза, что я и чай пил с закрытыми и видел: рябая болотная вода, и на ней качается селезень...

— Пошел я к нему, — рассказывал Булыга про глухаря. — А он и поет и поет, ни черта не слышит. А кому поет? Ведь глухарки нету ни одной. А он и поет-то и поет...

— По кому ж ты стрелял? — спросил я.

— По нему, по кому же еще.

— Или промазал?

— Нет, — ответил Булыга. — Так маленько в сторону взял. Пускай поет.

— Спугнул?

— Нет, и после выстрелов все поет. Со всем очумел от весны.

Я снова прикрыл глаза и видел, как возникают от усталости красные и оранжевые круги, а за ними качается на воде весенний селезень... и качается и качается на воде.